

Ю.В. Яковлева

РЕЧЕВЫЕ МАСКИ КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ АГРЕССИИ В СОВЕТСКОЙ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ ПОЛЕМИКЕ 20-х гг. XX в.

В статье исследуется практика использования речевых масок как разновидности языковой игры в полемических материалах советских литературно-художественных изданий 20-х гг. XX в. Предлагается рассматривать речевую маску как один из видов проявления речевой агрессии в публицистическом тексте.

Ключевые слова: речевая маска, языковая игра, полемика, экспрессия, речевая агрессия.

Речевая агрессия – явление, которое трактуется сегодня широко: от использования стилистически маркированных языковых средств до целенаправленного подавления речевой деятельности оппонента¹. Это явление в высокой степени характерно для СМИ, стремящихся оказывать активное влияние на общественное мнение, особенно во времена социальной нестабильности.

Примеры проявления речевой агрессии можно найти в дискуссионных материалах советской прессы 1920-х гг. В этот период велась острая полемика о перспективах развития культуры, в частности – литературы. В числе проблем, вызывавших бурное обсуждение, – роль искусства в общественной жизни, приоритет вдохновения или социального заказа, отношение к буржуазному наследию.

Одним из главных центров литературной борьбы стал появившийся в марте 1923 г. журнал «ЛЕФ» под руководством В.В. Маяковского. В редакцию журнала входили Н.Н. Асеев, Б.И. Арватов, О.М. Брик, Б.А. Кушнер, С.М. Третьяков, Н.Ф. Чужак. В «ЛЕФе» печатались М.Ю. Левидов, В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов, Б.В. Томашевский, Л.П. Якубинский, Г.О. Винокур, кинематографисты С.М. Эйзенштейн и Дзига Вертов, публиковалось наследие В.В. Хлебникова. Большинство сотрудников и

авторов «ЛЕФа» являлись продолжателями футуристической традиции. Именно это обстоятельство вызывало основные нападки на «ЛЕФ» со стороны ратовавших за реалистическое искусство оппонентов, главным из которых стал журнал Российской ассоциации пролетарских писателей «На посту», возникший в июне 1923 г. По словам Г.О. Винокура, «футуризм ставил перед собой проблему массового языка», а футуристы «вступили на путь непосредственного и сознательного языкового изобретательства»².

Поэтому от остальных участников литературных баталий левовцев отличало стремление к словотворчеству, в том числе к использованию в качестве полемического приема языковой игры.

Языковая игра (понятие введено Л. Витгенштейном в «Философских исследованиях», 1953 г.) стала объектом изучения многих лингвистов, в том числе в России: Т.В. Булыгиной, Т.А. Гридиной, И.Н. Горелова, Е.А. Земской, Н.А. Николиной, А.Д. Шмелева. А.П. Сковородников называет языковой игрой «творческое, нестандартное использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе комического характера»³. И.Н. Горелов и К.Ф. Седов понимают под языковой игрой осознанное отклонение от норм общения с целью достичь экспрессии, главным образом – эффекта комизма⁴.

Языковая игра реализует эмотивную и экспрессивную функции языка⁵, является «своеобразным мостиком между рациональной и эмоциональными составляющими речевой деятельности»⁶. В полемике языковая игра выполняет не только развлекательную, но и оценочную функцию, способствует формированию представлений об обсуждаемых явлениях и поведении противника. При негативной оценке языковая игра может служить средством выражения речевой агрессии.

Игра способна затрагивать фонетический, лексический, фразеологический, словообразовательный, морфологический и синтаксический уровни речи. Е.А. Земская, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова считают самым частым, простым и распространенным способом языковой игры прием речевой маски⁷. Подражая стилю общения выбранного персонажа, говорящий наполняет свою речь, «инкрустирует»⁸ свои высказывания словами и оборотами, имеющими соответствующие фонетические, морфологические, лексические и прочие особенности. Не стремясь воспроизвести чужую речь полностью, говорящий «бросает отдельные яркие мазки, наиболее характерные приметы чужого голоса»⁹. Большинство исследователей указывают на то, что одной из наиболее употребительных является **просторечная речевая маска**.

Такую речевую маску выбрал автор статьи «Критическая оглобля» (ЛЕФ. 1923. № 3. С. 13–17), подписавшийся псевдонимом Голкор. В статье-ответе на критические материалы в журнале «На посту» обыгрывается образ милиционера (имеются в виду напостовцы – критики «ЛЕФа»), стоящего на посту. Вместо жезла он держит оглоблю и время от времени опускает ее на головы тех, кто попался под руку.

Помимо довольно большого количества слов просторечных¹⁰ («хрястнуть», «огреть», «садануть», «отдуваться», «дядя») и разговорных¹¹ («смачно», «кукиш», «призадуматься», «поделом», «ухмылка», «навязнуть»), автор использует пословицы, поговорки, «народные» устойчивые выражения¹² («аж искры посыпались», «в ушах у него зазвенело», «а ты, кума, не подвертывайся», «жарит в хвост и в гриву», «разделявает под орех»).

Часть предложений построена так, чтобы порядком слов и ритмикой они напоминали фольклорные выражения, например: «Хрястнула она <оглобля> на голове у левого фронта *смачно*, со вкусом, *аж искры посыпались*» (курсив мой. – Ю. Я.). «На кого же вы оглобелюшку выстругали», – интересуется автор у оппонентов. Вскоре он сам находит ответ на свой вопрос, обнаружив у противников стремление «огреть оглоблей именно “Леф”, да так чтобы *в ушах у него зазвенело*». «Пощупаем величину мишени на собственном затылке и *призадумаемся*: может быть и *поделом* попало, – продолжает рассуждать автор. – Или так по пословице: “*а ты кума не подвертывайся*”».

Некоторые устойчивые выражения подвергаются в статье трансформации. Так, фразеологизм «плевать в глаза»¹³ превращается в «историческое забрызгивание слюной вражеских глаз».

Простонародный стиль подчеркивается и употреблением слов с уменьшительными суффиксами, такими как «оглобелюшка», или в совете противникам обойтись без «*ухмылочек*, кивков, кривых *усмешечек*».

Сочетание разговорного¹⁴ слова с фамилией влиятельного в тот момент партийного лидера не останавливает автора. «Ведь т. Троцкий за всех вас [...] не может же *отдуваться*», – напоминает Голкор оппонентам.

Милиционер с оглоблей порой обретает черты то одного, то другого напостовца: С.А. Родова, которому «приходится взбираться на самые высокие ходули», чтобы «*поплевать через левое плечо* в сторону [...] футуриста»; Г. Лелевича, который «нехотя и медля выставляет *кукиш в кармане* В. Маяковскому»; Б.М. Волина, который «*разделявает под орех* другого лэфовца О. Брика» и «с размаху оглоблей *саданул* автора, радуясь очевидно своей удали».

Указание на несерьезность претензий напостовцев и их несамостоятельность содержится в рассуждении автора статьи на тему, «не *всунута* ли ему [милиционеру] в руки это вместо жезла оглобля каким-то веселым *дядей*, любящим подшутить [...] *Садани* мол в эту сторону, а по другой тогда само по себе образуется».

Таким образом, с помощью просторечных и разговорных слов, а также фразеологизмов автору удается создать яркие иронические образы противников, демонстрирующие их нелепое и нелогичное, как он считает, полемическое поведение. Просторечная языковая маска, используемая на протяжении всей статьи, служит средством выражения речевой агрессии по отношению к оппонентам.

Авторы коллективной статьи «Подемсмесь» (ЛЕФ. 1923. № 3. С. 34–40) выбрали **фамильярную речевую маску**. Фамильярность по отношению к критикам «ЛЕФа», которым левовцы дали окказиональное наименование «лефогрызы», выражается в просторечных обращениях («Папаша, перекреститесь!») и иронических приветствиях («Третьяков увлекается Крученыхом и заузьем, ибо она ему в новинку. *Здравствуйте, Бобров!* Третьяков уже в 1913 году был с новым искусством»).

В уста оппонентов левовцы вкладывают выражения с использованием просторечных и разговорных слов, что также можно расценить как фамильярность. «Разбери их, который Брик, который Чужак! Оба на “к” кончаются», – якобы говорит сотрудник газеты «Известия», пишущий под псевдонимом Альфред, который, по просторечному выражению левовцев, «обоврался», перепутав «Чужака с Бриком». «И нечего вам, живопись, на улицы лезть! Так говорит Щекотов», – пишут авторы «Подемсмеси». Критику Городецкому (выступление которого в журнале «Красная нива» левовцы определили уничижительным звукоподражательным словом «тявк») приписывается недостойное и смешное поведение: «Не тот ли это самый Городецкий, который буквально на днях еще ухаживал за мертвым Хлебниковым (заумником) и мечтал о журнале Левого Фронта с припевкой “и я, и я!” А теперь в припрыжку¹⁵ за лефогрызами тоже кричит “и я! и я!”».

Вывод авторов статьи о полемических привычках всех критиков-«лефогрызов» также содержит фамильярные, грубо экспрессивные, негативно-оценочные выражения: «Згара-амбу треплют, а того что *под носом* – не видят. Требуем равноправия, а то у нас возникают, *чорт его знает*, какие ассоциации», «У критиков достаточно *заскочить одной пружинке в голове*, чтобы *галопом понеслось беззаветное мракобесие*».

Фамильярная языковая маска служит авторам статьи «Подемсмесь» для унижения, высмеивания критиков «Лефа», указания

читателям на отсталость взглядов, недостойное поведение и низкий интеллектуальный уровень оппонентов, определяемые лефовцами как «мракобесие», то есть враждебное прогрессу, культуре, науке¹⁶. По мнению автора наиболее полного исследования феномена речевой агрессии¹⁷ Т.А. Воронцовой, «понижение его [оппонента] статуса в глазах публики [...] рассчитано на [...] перлокутивный эффект – подорвать доверие к точке зрения оппонента».

В статье «Другой конец палки» (ЛЕФ. 1923. № 3. С. 12) поэт Н.Н. Асеев отвечает на критическую статью В.И. Лебедева-Полянского, опубликованную в журнале «Печать и революция», с помощью **наивной речевой маски**. Асеев, конечно, уже прочитал статью Лебедева-Полянского и пришел к выводу, что критика, которой тот подвергает его поэтическое мастерство, никакого внимания не заслуживает. Однако ему недостаточно просто сказать об этом читателю. Поэту требуется, чтобы читатель самостоятельно пришел к аналогичному заключению. Для этого он проводит его по всему «маршруту» сначала, «надев» наивную речевую маску. Н.Н. Асеев демонстрирует притворную готовность к диалогу из мнимого уважения к профессии оппонента: «Тов. Лебедев-Полянский – литературный критик. Я очень чуток ко всякому критическому замечанию». Поэт «искренне недоумевает», чем не угодил критику. Цитаты из статьи Лебедева-Полянского Асеев сопровождает собственными риторическими вопросами и демонстрацией полной неспособности понять язык (который, как выяснится позже, «неряшлив и неотесан», загроможден «косноязычием самого беспомощного вида») и мысли этого литературного критика: «Спрашивается, что хотел сказать и что сказал столь странным оборотом т. Лебедев-Полянский?»; «Чем не заумь?»; «Ну куда же Алеше Крученых до такой непосредственности!?!»; «Неужели т. Лебедеву-Полянскому приходится в экспедиции работать? Или это он только так языком “ворочает” издания? Непонятно»; «Что такое “сознательный идеал”, мы так и не догадались».

Созданию наивной речевой маски способствует использование глаголов с префиксом и частицей «не», связанных с интеллектуальной деятельностью: «недоумевать», «не понимать», «не догадываться». Притворную искренность демонстрируют и описания собственного эмоционального состояния, изображающие все большую степень раскаяния: «Признаюсь. Каюсь. Мое сознание разорвано в клочки». Заканчивается пассаж наивным, практически «детским» обещанием: «Не буду больше». Однако относится оно не к решению не писать больше стихов, а к обязательству не читать больше статей Лебедева-Полянского. Н.Н. Асеев остается верен взятой на себя роли. Статью он заканчивает цитатой Лебедева-

Полянского и выражает готовность следовать его совету: «Вступлю на путь здоровой реакции и по совету т. Лебедева-Полянского постараюсь быть “реалистом и очень последовательным, хотя и не ультра”». Какова искренность этих признаний, читатели, конечно, уже поняли. Наивная речевая маска помогает автору статьи представить своего противника в крайне невыгодном свете перед читателями, то есть служит способом выражения речевой агрессии.

Итак, на примере использования речевых масок как одного из видов языковой игры в полемических материалах журнала «ЛЕФ» можно увидеть многоплановость и прагматичность данного приема.

С одной стороны, речевая маска, служащая созданию комического эффекта, призвана развлечь читателя, обеспечить его симпатию к автору и тем самым способствовать победе в полемике.

В то же время авторы дискуссионных материалов, надевшие речевую маску, стараются с ее помощью выразить иронию, негативные эмоции по отношению к оппоненту, представить его в крайне невыгодном образе, дискредитировать в глазах читателя, то есть пользуются ею как средством выражения речевой агрессии.

Способность находить эффектные, разнообразные полемические приемы характеризует участников дискуссии как обладателей творческого, нестандартного мышления, высокого уровня словесного мастерства, а также опытных полемистов. Однако следует предостеречь современных журналистов от чрезмерной увлеченности поисками наиболее ярких приемов словесной борьбы, стремлении одержать победу любой ценой, так как это может стать препятствием при попытках разобраться в существе обсуждаемой проблемы, то есть в перспективе привести к коммуникативной неудаче.

Примечания

¹ См., напр.: Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации / В.М. Амиров, Л.В. Енина, Н.А. Купина. Екатеринбург: УрГУ, 1997; Агрессия в языке и речи: Сб. науч. ст. / Ред. И.А. Шаронова. М.: РГГУ, 2004; Речевая агрессия в современной культуре: Сб. науч. трудов / Науч. ред. и сост. М.В. Загидуллина. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2005; *Воронцова Т.А.* Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2006; *Щербинина Ю.В.* Вербальная агрессия. М.: Изд-во ЛКИ, 2008; Конфликт в языке и коммуникации. М.: РГГУ, 2011.

² *Винокур Г.О.* Культура языка. М.: Федерация, 1929. С. 306.

³ *Сковородников А.П.* О понятии и термине «Языковая игра» // Филологические науки. 2004. № 2. С. 79.

- ⁴ Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2010. С. 188.
- ⁵ Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 174.
- ⁶ Торотова О.В. Языковая игра как важнейший принцип смыслопорождения на стыке языка и речи // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 276.
- ⁷ Русская разговорная речь: Фонетика... С. 180.
- ⁸ Там же. С. 181.
- ⁹ Там же. С. 180.
- ¹⁰ Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова: В 3 т. М.: Госинт-т «Советская энциклопедия», 1935–1939.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1967.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Толковый словарь русского языка...
- ¹⁵ Орфография оригинала.
- ¹⁶ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 368.
- ¹⁷ Воронцова Т.А. Речевая агрессия: Вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2006.